

Отзыв

официального оппонента д.н.н., профессора, зав. кафедрой Древней и Средневековой истории России ФГБОУ ВО «ЛГГПУ» Белавнна А.М. на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук

ЧИЧКО Татьяна Вячеславовна

«ВОСТОЧНАЯ ТОРЕВТИКА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (КОНЕЦ VI - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА IX ВВ.)»,

представленную к защите в диссертационный совет Д 212.038.12 на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Актуальность темы.

Рассматриваемая работа посвящена одной традиционно вызывающей интерес проблеме археологии России – восточной торговке, находимой в Приуралье и Прикамье в эпоху средневековья, носящей литературное имя – "Серебро Закамское" или "Серебро Закаменское". В целом на Урале и в Приуралье в настоящее время известно более 300 различных средневековых серебряных сосудов. Основное место находок – Пермская губерния, где найдено около 200 сосудов. История изучения и сбора "серебра закамского" началась в 1750 г., когда крестьянин с. Слудка на р. Каме (ныне Ильинский район) при вспашке поля вывернул сохой большой серебряный кувшин. После восторженных отзывов де Бросса об этом Сасанидском кувшине А.С. Строганов дает указание собрать и привезти ему все серебряные сосуды, найденные в его Пермском имении. Строгановы стали собирать первую в мире коллекцию позднеантичных и восточных раннесредневековых серебряных сосудов. Петербургское собрание Строгановых в 1925 г. было передано в Отдел Востока Эрмитажа¹.

Рассмотрение культурных связей и участия населения Прикамского региона в общеполитических событиях Восточной Европы и Северной Азии выводит население Прикамья из группы «не исторических народов», известных лишь под «археологическими именами» неволнцев, каракуповцев и т.д., на историческую арену в качестве равных или почти равных

¹ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро: художественная культура Ирана III – VIII веков: собр. Гос. Эрмитажа. М., 1987. С.122.

партнеров «народов исторических». Даже постановка этой проблемы диссертантом уже является крупным сдвигом в истории региона.

Общая характеристика работы.

Во **Введении** автор формулирует цель и задачи своего исследования, определяет основную терминологию исследования, описывает методы исследования, положения, выносимые на защиту. Введение содержит достаточное обоснование актуальности и научной важности исследования.

Однако ряд заявлений автора, сформулированных в этой части работы, вызывают, мягко говоря, недоумение, и в ходе изложения содержания исследования, опровергающихся самим же автором. Так весьма странным кажется заявление автора, с которого начинается текст диссертации: "Матерпальная культура Южного Приуралья и Прикамья эпохи раннего средневековья предстает как явление спонтанное, внутренних корней не имеющее". Не менее странным кажется и заявление, что и восточная (Сасанидская и византийская) парадная посуда, и поясные наборы геральдических и тюркских типов не являлись предметами торговли (с.6). Тем не менее, в дальнейшем автор рассматривает матерпальную культуру Приуралья и Прикамья как цельное явление, имеющее глубокие генетические корни, где одна из самых ярких черт – это присутствие восточной посуды и поясной гарнитуры как результат тесных и многоплановых связей населения региона, в первую очередь, торговых (напр. с. 96 и далее). Это дает основание автору в ходе работы анализировать разнообразные торговые пути, по которым шла проникновения восточных импортов в исследуемый регион.

Первая глава посвящена истории изучения восточной торговки в Прикамье и Приуралье.

За более чем двухсотлетний период изучения восточная торговка собрала обширную историографию. Справедливо расценивая данную проблему как часть общего вопроса культурного и экономического контактирования, автор рассматривает историю изучения торговки в регионе через призму контактирования.

Историографию проблемы культурного контактирования раннесредневекового прикамско-приуральского населения автор условно разделяет на три хронологических периода: 1) вторая половина XIX в. – 30-е гг. XX в.; 2) 30-е – 80-е гг. XX в.; 3) с начала 1990-х гг. – до настоящего времени. Проанализировав основные работы предшественников, автор приходит к выводу, что исследователи, занимавшиеся историей восточных сосудов на Урале, рассматривали их, как правило, вне общего контекста формирования и развития матерпальной культуры населения региона во

второй половине I тыс. н.э., а лишь в контексте их хронологической и географической атрибуции.

Вне поля зрения исследователей оставались обстоятельства и факторы этнополитической истории Евразии, оказавшие свое влияние на динамику, интенсивность, ассортимент и маршруты проникновения восточной керамики в регион.

Расширительно трактуя понятие "восточная керамика", автор относит к ней восточные сосуды и металлические украшения костюма средневекового населения Прикамья и Южного Урала – в первую очередь, поясную гонимую. В связи с этим подходом автор также анализирует имеющуюся отечественную историографию в отношении предметов поясной гонимой (с.32-42). Автор, разбирая историографию поясной гонимой, приходит к заключению, что основные схемы её классификации (Р.Д.Голдина, А.В. Богачев, В.Б. Ковалевская) имеют исключительно источниковедческий характер и используются, главным образом, как инструмент для описания психологического материала и хронологических построений. На этом таксономическом уровне, по мысли автора диссертации, классифицирует пояса Н.Б. Крыласова, ставшая задачей выявления типологического содержания поясных наборов.

Достаточно подробный и вполне профессиональный историографический анализ позволяет автору четко определить круг задач, сформулировать цель исследования, определить хронологические и территориальные рамки работы и наметить пути решения поставленной проблемы. Источниковой базой исследования являются многочисленные (более ста) находки восточных металлических сосудов разного типа и происхождения, и опубликованные материалы могильников ломоватовской, иволинской, кушаревской и караякуповской культур (материалы более 1000 погребений).

Глава, таким образом, представляется цельной и органичной частью работы, достаточно подробный историографический анализ придает ей черты фундаментальности.

Вторая глава работы посвящена категориям и типам восточной керамики, выявленным в материальной культуре средневекового населения Прикамья и Южного Приуралья.

По мнению Т.Чичко, в настоящее время ряд вопросов, связанных с распространением восточной керамики в Прикамско-Приуральском регионе, представляется вполне решаемым. Это вопросы хронологии, географической атрибуции посуды, типологии и хронологии металлических украшений костюма. Поэтому в качестве основных вопросов, которые автор поднимает в главе, выделяются статистика и география распространения восточной

торевтики в регионе, а также выявление удельного веса импортных артефактов в комплексе материальной культуры населения Южного Урала и Прикамья середины – второй половины I тыс. н.э., с целью реконструкции путей проникновения произведений восточного декоративно-прикладного искусства.

В первом параграфе автор рассматривает ассортимент восточной торевтики в географическом и хронологическом контексте (с. 45-63). По мнению автора, в итоге такого рассмотрения, на территории Прикамья и Южного Приуралья выделяются несколько крупных культурных археологических массивов, непререваемым атрибутом материальной культуры которых на протяжении многих веков являются восточные сосуды – это ломоватовская, родановская, иеволинская, кушиареиковская и караякуповская археологические культуры (с. 61). Само по себе заключение верное, но ради справедливости нужно отметить, что и без анализа географии распространения восточных сосудов эти культуры прекрасно выделяются. Причем эти археологические категории достаточно сильно сближаются между собой (не взирая на разность природно-географических условий – лесостепь и лес) благодаря наличию в их духовной и материальной культуре угорских черт, проявляющихся с разной степенью интенсивности. Родственность этих археологических культур неоднократно обосновывалось рядом авторов (и мной в их числе) разными методами, вплоть до математической статистики. На мой взгляд, именно эта этнокультурная близость и вызвала единство интересов к импортной, прежде всего серебряной посуде, а также к поясной гариатуре. Этнокультурной особенностью предуральских угорских культур является и особое отношение к серебру (священный металл) и к изделиям из него. Именно поэтому (сосуды и иные предметы из серебра берегли и хранили на святилищах) данные территории и выделяются на общем фоне Восточной Европы. Туда серебро также поступало, но использовалось как сырье или резалось на кусочки, которые использовал как весовое средство платежа. Замечу также, дабы читателю работы не смущался термином "родановская культура" – здесь автор использует материалы т.н. Лаврентского этапа этой культуры (IX-XI вв.), который давно уже по мнению многих исследователей должен относиться к ломоватовской культуре, и являться её заключительным этапом. Поэтому в этнокультурном отношении он также является угорским.

Осторожный отказ автора диссертации от этнокультурных интерпретаций понятен, но *это в значительной степени затрудняет исследование многих явлений, в том числе, связанных с предметом и объектом диссертации*. Однако из всего контекста диссертации этот вопрос ярко вырисовывается как "фигура умолчания".

Описывая находки сосудов, автор использует термин "клады". Оценка находок торевтики как неких кладов хотя и традиционная в археологической литературе, но весьма спорная. На мой взгляд, более точным является восприятие сосудов и монетно-вещевых т.и. "кладов" как святынных матерпалов. Кроме того использование сосудов как предмета ритуальной практики, а не как предмета роскоши или социально маркирующего элемента, подчеркивается их, хотя и редким, использованием в погребальной угорской обрядности по обе стороны Урала в качестве погребальных лицевых покрытий (например Верх-Санный, Зеленый Яр могильники).

Рассуждает автор и о хронологии поступления "восточных" сосудов в регион. Определенное начальное периода поступления серебряного импорта на Урал, по убедительному мнению автора, основано на датировках монетных и монетно-вещевых кладов. Т. Чичко заключает, что в целом практически все исследователи сходятся в том, что начало проникновения восточного импорта в регион относится не ранее чем к середине – концу VII в., причем допускается и более ранняя дата начала их поступления – VI в. (с. 63).

Второй параграф этой главы посвящен анализу категорий и типов металлических украшений в памятниках рассматриваемого региона. Автор отмечает, что на рассматриваемой территории "наборные пояса развалились в русле общеевразийской моды и, очевидно, часть их могла быть привозной" (с.66). Примененные понятия "мода" к средневековью Урало-Поволжья спорно. По наиболее устоявшемуся мнению, мода – это временное господство определённого стиля, отличающегося новизной, в какой-либо сфере жизни или культуры. Т.е. главным здесь являются понятия "стиль" и "новизна". В матерпальной и духовной культуре традиционных обществ, безусловно, господствуют не новизна, а традиция, а место стиля занимает этнокультурный фундаментализм, благодаря которому (и традиции) свои опознают своих и как-либо их классифицируют. Проникновение идеи наборного пояса и того или иного вида поясной гарнитуры и последующее её распространение связано не с модой, а с желанием отличаться от остальных, которое перерастает в устойчивую этнокультурную традицию. В силу этого однажды приобретенное модифицируется и используется согласно традиционному представлению.

Автор выделяет два периода в развитии поясной гарнитуры в Приуралье и Прикамье – VI-VIII и конец VIII – IX вв., выделяя их и в качестве этапов в процессе этнокультурного контактирования населения рассматриваемой территории, определяющих этнокультурные инновации (см. с. 91-93)

Подчеркну, что хотя автор в начале работы отрицает роль торговли в распространении материальной культуры, однако, анализируя поясную гарнитуру, он вынужден регулярно возвращаться к мысли о получении большинства образцов в результате торговли или обмена.

Следует согласиться с утверждением о том, что в VI-VII вв. геральдическая гарнитура распространена на огромном пространстве степи и лесостепи от Алтая до юга европейской части России, и её функционирование связано с особыми традициями степной, в основном тюркской и, отчасти, угорской культуры.

Отсутствие у племен Южного Урала анализируемого времени четких следов металлообработки заставляет автора думать, что все металлические элементы костюма – импортного происхождения, что вполне объясняется обстоятельствами этнической, военной и политической ситуации, сложившейся на территории Евразийской степи (образование Тюркского каганата, войны между Ираном и Византией и участие в них тюрков, распространение военной экспансии Тюркского каганата и участие в ней соседних племен). Мысль, вероятно, верная. Однако автор, к сожалению, не поясняет здесь предполагаемого механизма воздействия указанных обстоятельств на распространение поясной гарнитуры и в целом того, что он понимает под торевтикой.

Это же касается и верного, но не расшифрованного в подробности, представления о "мощном влиянии Юга в конце VI–VII вв." на Приуральско-Прнкамские народы (с. 82).

Да конечно, ломоватоцы, полонцы и неволинцы характеризуются оседлостью и высоким уровнем развития металлообработки, но нельзя считать это важнейшей причиной разнообразия местных форм геральдики, характеризующейся своеобразием форм. Точнее будет это оценивать как результат быстрого включения геральдической гарнитуры в состав местной традиции, испытывающей сильное воздействие южных, прежде всего, степных кочевых культур. На это указывают и различия в гендерных традициях распространения гарнитуры у жителей Приуралья и Прнкамья, справедливо выделенных соискателем для VII-IX вв., которые, отчасти, верны и для более раннего периода.

Автор справедливо отмечает, что состав предметов материальной культуры Прнкамья и Южного Приуралья отражает достаточно сильное тюрко-сибирское и азиатское влияние, а также влияние салтовского мира (с.89-90). В распространении последнего автор справедливо видит влияние формирующейся Волжской Болгарии.

Для первого этапа автор считает определяющим культурный импульс из Средней Азии, а для второго этапа – два основных направления: Алтайско-Азиатское и Хазарское.

В **третьей главе** автор рассматривает этнополитическую историю Евразийских степей как фактор формирования материнской культуры населения Южного Приуралья и Прикамья. Автор выделяет две проблемы, которые кажутся ему самыми основными: проблема путей, по которым осуществлялись связи между двумя столь отдаленными регионами и проблема форм и характера этих контактов (с.94).

В первом параграфе автор анализирует возможные пути проникновения серебряной посуды в Приуралье и Прикамье. Безусловно, большинство исследователей в процессе поступления восточной керамики в регион большое значение придают Волге, как основной торговой магистралью в раннем средневековье, и государству Волжская Болгария, города которой занимали особое место в системе международных торговых отношений. Кроме того в качестве возможного пути распространения выделяют степной путь через Оренбургские степи и территорию современного Башкортостана, по которому могла распространяться среднеазиатская керамика. Разные авторы по-разному определяют этапы функционирования степного и волжского путей керамики, однако, как верно отмечает автор работы, все они сходятся в том, что задействованы были и тот и другой пути. Картографирование кладов, содержащих импортную посуду, показывает, что проискала она в регион по сухопутному пути из Средней Азии через плато Усть-Урт, казахстанские, оренбургские и башкирские степи вдоль рек Белая, Уфа, Сытва в Пермский регион и Верхнее Прикамье. Причем степной сухопутный путь стал играть активную роль с середины VII в. (с.109-110) с момента становления Хазарии.

На с. 112 Т.В. Чичко отмечает, что на всем протяжении Волжского торгового пути Сасанидской и византийской посуды нет. По ее мнению, – это следствие проживания здесь носителей иранской культуры – славяне или сарматы по этнокультурному содержанию. Серебряная посуда была им не интересна, так как не соответствовала их культурным потребностям. Однако следует отметить, что и северной части на этой территории практически нет, поэтому в отсутствие такого эквивалента вряд ли данная территория представляла интерес для восточных торговцев. Это же наблюдение касается и ранней Волжской Болгарии.

Такой фактор поступления восточной керамики в рассматриваемый регион, как военно-политический, исследуется во втором параграфе второй главы. Автор справедливо отмечает, что Сасанидские и византийские изделия попадали к кочевникам в виде платежей и добычи во время войны. Разбрасывая

сюжеты блюд, пытаюсь связать их с развитием искусства и мира образов в культуре средневекового населения Прикамья и Прпуралья, автор приходит к выводу о том, что наиболее устойчивым образом в декоративном искусстве оказывается образ всадиика (с. 135). Это наблюдение достаточно интересно, и оно подтверждается не только находками предметов импорта с этим образом, но массой местных изделий, сделанных в подражание импортным, илп, напротив, являющимися абсолютно местными. Образ всадиика сохранял свое значение в Предуралье вплоть до XI в., что подтверждается многочисленными (более 10) серебряными подвесками в виде всадиика с Баяновского могильника, одного из поздних угорских, илп, даже, мадьярских, могильников Предуралья².

Хронология поступления и распространения образцов восточного и южного импорта в Прикамье и Прпуралье, по обоснованному мнению Т.В. Чичико, достаточно точно совпадает с основными вехами военно-политической истории в степях Евразии, основой ход которой во второй половине I тыс. н.э. определялся историей Тюркских каганатов, большую роль играла и военно-политическая активность Сасанидов.

Интересным кажется наблюдение автора о роли иволииских племен в распространении восточного импорта в Прикамье. Угры-иволиисы использовали эту посуду в ритуальных целях и при переселении из Зауралья в Прикамье привезли её с собой, таким образом, ижия плака происхождения Сасаидской торевтики в Прикамско-Приуральский регион сдвигается до V в. (с.147).

Автор обосновывает мысль, что носители караякуповской культуры (древние мадьяры) в общем контексте этнокультурной истории Южного Урала и Прпуралья выступали в роли связующего звена в товарообмене раннесредневекового населения лесного Прикамья и Евразийской степи вплоть до формирования Волжской Болгарии. Но с конца IX в. монополистом прикамско-прпуральской торговли становится Волжская Булгария, вследствие чего характер поступающих в Прикамье изделий меняется – практически весь восточный импорт заменяется болгарскими изделиями, а византийский исчезает вообще.

В третьем параграфе главы автор предпринимает небезуспешную попытку рассмотреть связь изделий восточного и византийского импорта

² Белавин А.М., Данич А.В., Иванов В.А. Древние мадьяры в Предуралье// в кн. Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: типография «ЗЁБРА», 2015. с. 102-128.

(серебряной посуды) с основными компонентами этнокультурной карты региона. На мой взгляд, – это наиболее важная часть работы. Автор обосновывает важнейшие, правда не во всем бесспорные, выводы:

- в VII-VIII вв. роль «основного перевалочного пункта» на трансуральском пути играла Кунгурско-Месягутовская лесостепь и её население – кушнаренковские и караякуповские племена – (древние мадьяры);

- перемещению товаров по Волжскому пути в это время не способствовала военно-политическая ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе в VIII в. – арабо-хазарские войны и восстания;

- конечным пунктом Степного торгового пути могло быть городище Уфа II, отсюда территории расселения ломоватовских и неволинских племен можно было достичь как водным, так и сухопутным путем;

- география распространения находок сасанидских сосудов IX в. в регионе Прикамья показывает возможный путь переселения неволинцев и ломоватовцев в Волжскую Булгарию.

В Заключении автор подводит основные итоги работы и предлагает свою схему развития этнокультурных контактов населения рассматриваемой территории, сопрягая её с этапами процесса поступления сюда предметов, отнесенных к понятию "торевтика".

Следует высказать **ряд общих замечаний** к работе:

- Первое, и самое существенное, использование термина "торевтика" кажется не совсем верным по отношению к тем материалам, которыми оперирует автор. Все же традиционно "торевтика" воспринимается как драгоценная посуда, изготовленная с применением чеканки и теснения. Кроме того "торевтика" – все же скорее технико-технологическая характеристика, это НЕ комплекс предметов материальной культуры (в нашем случае, в основном импортной), а лишь техника, в которой изготавливались часть использованных в работе предметов;

- Второе – работа, к сожалению, плохо вычитана и требует определенной редакторской работы, что следует учесть при публикации её в виде монографии, если такая возможность возникнет;

- Третье, на мой взгляд, работа недостаточно проиллюстрирована, это касается, в первую очередь, малого количества карт, нет детализированных схем реконструкции торговых путей, нет детализированных схем группировки материалов по категориям, во вторую очередь (на мой взгляд) предметы поясной гарнитуры и детали костюма представлены слабо и не системно – по имеющимся картинкам сложно сравнивать регионы и хронологические периоды.

Приведенные в отзыве замечания, однако, *не являются основанием для отрицательной оценки работы*, они лишь должны способствовать продолжению дискуссии и дальнейшему обсуждению этой привлекательной темы.

Работа достаточно хорошо апробирована, часть положений автора опубликовано, в том числе, в рецензируемых изданиях. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

Диссертация является законченным научно-исследовательским трудом, выполненным автором единолично, и имеющим значение для развития представлений об особенностях этнокультурных, экономических и военно-политических процессов, происходивших в Прикамье и Приуралье в период средневековья. **Значимость работы для науки и практики** заключается в новых наблюдениях и выводах характеризующих этнокультурные экономические связи населения Предуралья и Прикамья как **СЛОЖИВШУЮСЯ и активно ФУНКЦИОНИРУЮЩУЮ** систему торговых и военно-политических взаимоотношений со многими ближними и дальними соседями. Это заставляет во многом по новому взглянуть на историю региона и его роль в экономике, политике и культуре Восточной Европы и Северной Азии.

Наблюдения и выводы автора могут уверенно использоваться в учебном процессе на исторических факультетах вузов, в музейной деятельности, при написании научно-популярных работ и пропаганде историко-культурного наследия.

Полученные результаты достаточно обоснованы и вполне достоверно реконструируют указанные выше процессы.

Обоснованность и достоверность выводов базируется на применении как традиционных для археологии методов (например - типологический метод, который применяется, главным образом, для анализа различных типов украшений для выявления соотношения этих типов с той или иной археологической культурой; историко-генетический метод и т.д.), так и современных, относительно новых методов: метод картографирования, который позволяет наметить основные пути продвижения восточного импорта в прикамско-приуральский регион, и особенности его распространения и концентрации на территории археологических культур; статистический метод, позволяющий выявить количественное соотношение Сасанидских, византийских и среднеазиатских изделий, с целью определения степени интенсивности торговых и этнокультурных контактов на различных этапах.

Диссертационная работа ЧИЧКО Татьяны Вячеславовны "Восточная торевтика в системе культурных связей и военно-политической истории населения Прикамья и Приуралья в раннем средневековье (конец VI – первая половина IX вв.)" *отвечает критериям* научно-квалификационных работ на соискание ученой степени кандидата исторических наук и соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода работам "Положением о порядке присуждения ученых степеней" (Утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842) (пункты 9, 10, 11). Автор работы Чичко Т.В., таким образом, *заслуживает присуждения* ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Официальный оппонент,
д.и.н., профессор,
зав. кафедрой Древней и
Средневековой истории
России Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «ПГПУ»)

А.М. Белавин

12 августа 2016

Адрес:
614990, г.Пермь, ул. Сибирская, 24
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
Телефон: (342) 212-72-53
Факс (342) 212-70-19
belavin@pspu.ru

